

'там было три двора'; *pol vaš mo- vāškā* 'примерно полвосьмого' (Hallar 1960, с. 223). Представляют интерес такие случаи, как «*saš... šib'i-rskāj virstā,*» *mēgi,* «*ot' ša-zārām*» 'пришел из сибирского леса,' говорит, «царем»' (в мордовском предложении мордовское слово *oцязор* выступает в творительном падеже русского языка) (там же).

9. В «Заключении» (с. 129—133) в сжатой форме повторяются основные результаты исследования М. Р. Биушкиной.

Что касается технической стороны диссертации, то она не совсем безупречна, особенно это касается оформления сносок и списка литературы (с. 134—136).

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.3.16>

М. Г. Атаманов, *Этнонимы удмуртов в топонимии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1978.*

Изучение воршудно-родовой системы удмуртов имеет существенное значение потому, что она — при отсутствии древних документов по истории удмуртского народа и ранних письменных памятников языка — может послужить важнейшим источником изучения удмуртской этнографии и доисторического развития удмуртов, а также предоставит в распоряжение исследователей ценные сведения по исторической диалектологии и фольклористике. К сожалению, эта задача долго не получала комплексного решения, хотя отдельные ее стороны находили освещение в трудах удмуртских историков и лингвистов последних лет (см., напр., В. Е. Владыкин, *Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX века)*. Автореф. канд. дисс., Москва 1969; Г. Т. Живаева, *История северных удмуртов IX—XV вв.* Канд. дисс., Москва 1971; С. К. Бушмакин, *Воршудные имена и удмуртская топонимия*. — Ономастика Поволжья. Материалы I Поволжской конференции по ономастике, Ульяновск 1969; его же, *Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов*. — Этнонимы, Москва 1970 и др.). Поэтому вполне естественно, что специалисты-удмуртоведы с интересом отнеслись к кандидатской диссертации М. Г. Атаманова «Этнонимы удмуртов в топонимии», защита которой состоялась 15 июня 1978 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном универси-

тете. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Г. М. Керт (Петрозаводск) и кандидат филологических наук доцент В. К. Кельмаков (Ижевск).

Автор рецензируемой работы ставит перед собой круг важных целей и задач: 1) показать на материале языка, истории, этнографии, археологии и других исторических дисциплин происхождение и развитие воршуда; 2) по данным различных диалектов удмуртского языка и исторических документов восстановить древнеудмуртскую праформу микроэтнонимов и дать этимологию части из них; 3) показать отражение воршудно-родовых имен в топонимии; 4) выявить и дать краткое описание родовых центров в связи с их формированием; 5) представить размещение воршудно-родовых групп удмуртов по республикам, краям, областям, районам и населенным пунктам и на этой основе составить карты-схемы по более крупным родовым группам (с. 6).

Забегая несколько вперед, можно отметить, что все эти задачи выполнены и в большинстве случаев блестяще. Условием для этого послужило то, что М. Г. Атаманов в течение многих лет (начиная с 1971 г.) упорно и целеустремленно работал над избранной темой. Еще будучи студентом, он ежегодно принимал участие в фольклорно-диалектологических и этнографических экспедициях, где в полевых условиях собирал сведения о распространении тех или иных воршудных наименований, по крупницам извлекал ма-

териалы из периодических изданий, рукописных фондов Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского государственного университета имени 50-летия СССР, различных архивов, изучал специальную литературу как по удмуртскому и финно-угорскому языкознанию, так и по смежным дисциплинам — этнографии, археологии, истории и т. д.

Рецензируемая монография состоит из введения (с. 3—8), где раскрыта актуальность избранной темы, поставлены цели и задачи и определена научная новизна исследования, четырех глав (с. 9—186), заключения (с. 187—191) и приложения (с. 193—309).

Первая глава «Происхождение воршуда и мудора» (с. 9—36) представляет собой краткое историко-этнографическое введение в исследуемую проблематику. М. Г. Атаманов лаконично, но с достаточной полнотой дает обзор этнографической и лингвистической литературы об удмуртских воршудах и их названиях, изданной в СССР и за рубежом в течение двух последних столетий (с конца XVIII века по наше время), особо заостряя внимание на значении и происхождении удмуртских воршуда и мудора, на истории развития воршудно-родовой организации удмуртов. Определяя воршуд как «имя основательницы рода, возведенной в ранг родового божества, хранителя семейно-родового счастья» (с. 35), на основе этнографических, фольклорных и лингвистических материалов он приходит к выводу, что воршудно-родовая организация удмуртов восходит к периоду родового строя (матриархата), а в основе удмуртских воршудных названий лежат зоонимы — предполагаемые тотемы рода (с. 28). Вполне правомерна и, на наш взгляд, убедительна мысль автора о связи воршудных изображений удмуртов с т. н. пермским звериным стилем — искусством металлической пластики племен Приуралья в I тысячелетии нашей эры (с. 34). Об этом свидетельствует, как подмечает М. Г. Атаманов, тот факт, что в основе большинства подпадающих этимологизации воршудных имен удмуртов лежат названия тех же видов местных животных и птиц, изображения которых преобладают в металлическом литье Приуралья (с. 34). Касаясь этимологии слова

воршуд, он присоединяется к тому в смысловом отношении наиболее вероятному предположению, высказанному Н. Г. Первухиным и другими этнографами прошлого, согласно которому *воршуд* — подчинительное сложное слово, где первый компонент *вор-* идентифицируется с основой глагола *вордыны* 'рождать, хранить, оберегать, обеспечивать', второй — существительное *шуд* 'счастье'. Однако материалы того же Н. Г. Первухина дают повод к сомнению относительно подобной этимологии. Им отмечены формы типа: *Пурга шудэ-ворэ*, *Бигра шудэ ворэ*, *Ворця шудэ-ворэ*, *Какся шудэ-ворэ*, (Н. П е р в у х и н, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических), Вятка 1888, с. 7), где *шудэ-ворэ* (в одном случае *шудэ ворэ*), употребленное вместо обычной формы *воршудэ* 'мой воршуд', явно указывает на то, что перед нами сложное слово сочинительного типа, образованное из синонимичных или во всяком случае семантически близких друг к другу субстантивных корней. В таких сложных словах словообразовательные и формообразующие суффиксы и окончания могут присоединяться либо только к последнему компоненту (*улвай* 'сучья, ветвь' (< *ул* 'ветвь' + *вай* 'ветка, ответвление') : *улавесь* 'ветвистый'; *ымныр* 'лицо' (< *ым* 'рот' + *ныр* 'нос') : *ымныры* 'мое лицо' и *воршуд* : *воршудэ* 'мой воршуд'), либо к каждому из компонентов (*улэсь-ваесь* 'ветвистый'; *ымы-ныры* 'мое лицо' и *шудэ-ворэ* 'мой воршуд'). Следовательно, компонент *вор-*, способный — как свидетельствуют материалы отдельных говоров севернудмуртского наречия — менять место в структуре рассматриваемого сложного слова и получать, подобно компоненту *шуд*, собственные морфемы различного типа, едва ли является глагольной основой; это скорее всего субстантивный корень, семантически близкий или синонимичный слову *шуд* 'счастье', который по какой-то причине вышел из употребления.

В целом первая глава, наряду с этимологической частью следующей главы «Микроэтнонимы удмуртов» (с. 37—106), относится, на наш взгляд, к наиболее удачным разделам работы.

При этимологизации воршудных имен

М. Г. Атаманов исходил из постулата, что в основе воршудного наименования, как и в древнейших родовых и племенных именах, должны лежать названия животных и растений, выступавших некогда в качестве тотемов (с. 40). Как показывают его исследования, абсолютное большинство удмуртских воршудных наименований, подающихся твердой или предположительной этимологизации (81,5%), образовано от названий диких животных, птиц, рыб, насекомых, и лишь незначительное количество имеет связь с терминами родства и иноплеменными этнонимами (с. 94—95). Методика этимологизации воршудных имен проста и вместе с тем удобна и рациональна: на основе различных письменных и современных диалектных фонетических вариантов реконструируется праудмуртская форма воршудного имени, которая сопоставляется с восстановленной таким же образом праформой нарицательного существительного, предположительно легшего в основу рассматриваемого микроэтнонима. Реконструкция воршудного названия на большей (прапермской, прафинно-угорской или прауральской) глубине, при отсутствии их соответствий в других финно-угорских и самодийских языках, пока беспочвенна. Таким способом М. Г. Атаманову удалось выяснить этимологию немногим более половины воршудных названий удмуртов (нередко этимологии даны, естественно, под вопросом). Наиболее удачны и интересны, на наш взгляд, этимологии таких воршудных имен, как *Занка* (с. 48—49), *Имъес* (с. 51—53), *Мöнья* (с. 59—60), *Пельга* (с. 62—63), *Эгра* (с. 86—92) и др. К этимологиям некоторых других микроэтнонимов у нас имеются отдельные замечания, уточнения или дополнения.

1. Возведение воршудного наименования **дöкйа* ~ **дйкйа* к зоониму *дукъя* 'глухарь' в фонетическом отношении правомерно лишь в том случае, если праудмуртская форма последнего реконструируется как **дйкйа* (или **дöкйа*), что автором не доказано (с. 45—46).

2. Вызывает некоторое сомнение и возведение микроэтнонима *Зумъя* (< ? праудм. **йумйа*) к юмы (= *йумы*) 'паут, овод' (с. 50), ибо первое слово на всей территории его распространения употребляется, как правило, с начальной аффри-

катой *з*. Правда, автор указывает на возможность появления вторичного *з̄* ~ *д'* на месте первичного *й*- в отдельных удмуртских диалектах. Однако следует иметь в виду, что переход *й* > *д'* ~ *з̄* состоялся относительно поздно лишь в периферийно-южных и закамских диалектах, в то время как рассматриваемый микроэтноним фиксируется в устном бытовании с анлаутным *з̄* и в тех диалектах, где инициальный *й*-, как правило, сохранился без изменения. Фиксирование же этого воршудного имени в д. Купченеево Ермакеевского района Башкирской АССР с начальным *й*- (*Юмня*) весьма неправдоподобно, если иметь в виду, что в говоре данной деревни анлаутный *й*- во всех словах перешел в *д'* (*з̄*-) или *л'*. Не имеем ли мы здесь дело с фонетически неточной записью?

3. Праудмуртскую форму слова *куч* 'название какой-то хищной птицы' автор восстанавливает с гласным *й̄* (**кй̄ч*), имея в виду корреспонденцию *у* ~ *ы* в этом корне (с. 55). Необходимо заметить следующее: во-первых, к апеллятиву **кй̄ч* в фонетическом отношении трудно возвести микроэтноним *Кушъя*, зафиксированный на всей территории его распространения лишь с гласным *у* в первом слоге; во-вторых, нет особой необходимости (и оснований) восстанавливать в рассматриваемом нарицательном слове гласный **й̄*, ибо корреспонденция *у* ~ *ы* (*-куш*, *-куч* ~ *-кыш*, *-кыч*), якобы указывающая на праудмуртскую фонему **й̄* на ее месте, по-видимому, имеет позднее происхождение в результате делабиализации *у* в *ы* в пределах непервого слога дестимологизированных слов (см. В. К. Кельмаков, Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в современных пермских языках. — Вопросы удмуртского языкознания III, Ижевск 1975, с. 71, 83).

4. Возведение, хотя и под вопросом, микроэтнонима *Можга* (< праудм. **mgžga*) к удм. *муш* 'пчела' (< праудм. **müš*), комиЗ [*маля*] *муш*, комиП *мош*, мар. *мйкш*, фин. *mehiläinen* 'пчела' (с. 58) фонетически непримлемо.

Б. М. Г. Атаманов присоединяется к мнению С. К. Бушмакина, этимологически связавшего воршудное имя *Уча* с *учы* 'соловей'. Фонетическое несовпадение двух слов (в одном из них палатальная аффриката *ч*, в другом же велярная *ч̣*) автор пытается объяснить тем, что в закамских говорах наблюдается переход первичного *ч̣* в *ч*, например: *учы* > *учи* 'соловей', *кочо* > *кочо* 'сорока', *кыче* > *кыче* 'какой' (с. 75). Однако это объяснение не снимает, как нам кажется, затруднений фонетического характера, ибо рассматриваемый этноним фиксируется с палатальной аффрикатой *ч̣* на территории распространения не только закамских говоров, где действительно имеет место спорадический переход первичной велярной аффрикаты *ч̣* в *ч*, но и южных, северных и срединных диалектов удмуртского языка, где инлаутный *ч̣*, как правило, сохраняется, и периферийно-южных диалектов (Кукморский, Мамадышский, Балтасинский районы Татарской АССР), в которых этимологический *ч̣* обычно заменился фрикативным *ш* (удм. лит. *учы* ~ кукм. *ушъ* 'соловей', удм. лит. *кочо* ~ кукм. *кошо* 'сорока').

6. На с. 86—92 автор в фонетическом и семантическом отношениях довольно убедительно этимологизирует удмуртский микроэтноним *Эгра* (< прайдм. **йэгра*) из коми этнонима *йёгра* (< праперм. **йюгра*) 'обские угры (ханты и манси)' и, опираясь на археологические, этнографические, исторические и некоторые лингвистические данные, считает род *Эгра* угорским по происхождению. Предположение о наличии угорского компонента в удмуртском этносе не лишено вероятности, но в данном случае автор не учел одну небольшую деталь: этноним *йёгра* (> *эгра*, *йэгра*) мог закрепиться за удмуртским родом лишь при условии, если бы он был самоназванием какого-либо угорского рода или племени, вошедшего впоследствии в состав удмуртского народа. Об этом в работе не упоминается.

В разделе «Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов» второй же главы (с. 96—102) М. Г. Атаманов

вполне обоснованно предполагает, что конечные слоги воршудных наименований представляют собой, вопреки мнению предшествующих ученых, принимавших их за самостоятельные слова, архаические суффиксы прауральского или прафинно-угорского происхождения. Таким он считает форманты *-йа* (орф. *-я*, выступает в 25 воршудных наименованиях), *-га* (11), *-а* (9), *-ка* (5), *-ра* (5), *-ча* (3), *-ма* (3) (с. 96). Доказывая архаичность морфологического состава, а в некоторой степени и фонетической структуры удмуртских воршудных наименований, автор выдвигает два далекоидущих, пока еще не доказанных, но весьма любопытных предположения: 1) этнонимы многих финно-угорских родов и племен, оформленные теми же суффиксами, что и воршудно-родовые имена (ср. *Меяра*, *Мурома*, *Вишера*, *Печера*, *Эрзя*, *Мокша* и др.), могут в принципе восходить к названиям тотемов (с. 101—102); 2) часть топонимов русского Севера с формантами на *-га*, *-ка*, *-я*, *-ма*, *-ча*, *-ра*, подобно удмуртским ойконимам, возможно, отражает родовые имена финно-угорских родов и племен, обитавших на данной территории (с. 102).

В разделе «Фонетические варианты микроэтнонимов» на обильном материале показывается, что хотя воршудным наименованиям присуща некоторая архаичность фонетического оформления, в целом они пережили те же фонетические изменения в различных удмуртских диалектах, что и нарицательная лексика, например: 1) изменение прайдм. **й* > *й̣* ~ *у* ~ *ы*: **д̣юк̣я* > *д̣юк̣я* ~ *дук̣я* ~ *дык̣я* (**н̣юнал* 'день' > *н̣юнал* ~ *нунал* ~ *нынал*); 2) корреспондирование *ы* ~ *и*: *ж̣ык̣я* ~ *ж̣ик̣я* (*ж̣ыкыт* ~ *ж̣икыт* 'экономный, ладный', *ж̣ынгыртыны* ~ *ж̣ингыртыны* 'звенеть') и т. д. Даже предполагаемая корреспонденция **о̣* ~ **ю̣* в воршудных именах (**бод'ял* ~ **бюд'ял*, **д̣о̣к̣я* ~ **д̣юк̣я*, **п̣о̣б̣я* ~ **п̣юб̣я*), вопреки мнению автора (с. 104), имеет параллели в нарицательной лексике в виде междиалектной корреспонденции *е* (*ө*) ~ *й̣* (*э̣*, *э̣*), обусловленной спорадическим переходом прайдм. **ө* в **й̣* в определенных удмуртских диалектах, например: удм. лит. *м̣ой̣я* 'пожилой', п.-южн. *т̣ө̣й̣э̣* (< прайдм. **т̣ө̣й̣э̣*) ~ бес. *т̣ө̣й̣э̣*

(< **mij* < праудм. **mōji*); удм. лит. некоторые южноудмуртские говоры *ežit*, татш. *ōžät* (< праудм. **ōžit*) ~ кукм. *šžät*, некоторые южно-удмуртские говоры *ižit* (< **ižit* < праудм. **ōžit*) (В. К. Кельмаков, Судьба праудмуртского огубленного *ō* в современных диалектах. — СФУ XI 1975, с. 266).

Собственно топонимическая часть исследования сосредоточена в третьей главе работы («Отражение микроэтнонимов в топонимии», с. 107—166), которая состоит из четырех разделов. В разделе «Воршудно-родовые имена в ойконимии» (с. 107—137) подробно рассмотрено функционирование отворшудных наименований в структуре ойконимов Удмуртской АССР и за ее пределами. На основе изучения богатого фактического материала автор приходит к интересному для историков и филологов-диалектологов выводу о том, что в настоящее время на территории Удмуртии названия 283 населенных пунктов (9% всех населенных пунктов республики) образованы с помощью воршудных наименований; причем, как полагает М. Г. Атаманов, продуктивность образования ойконимов от микроэтнонимов неодинакова в различных районах республики (и за ее пределами): наиболее высока на территории, сравнительно рано освоенной удмуртами, и напротив, в относительно поздно заселенных районах ойконимов с воршудными наименованиями мало (Шарканский, Якшур-Бодьинский районы УАССР, Янаульский район БАССР), или совершенно нет (Калтасинский, Татышлинский и другие районы Башкирии, Бавлинский район ТАССР, Мари-Турекский район МАССР) (с. 127). В этом же разделе рассмотрены структура и этимология ойконимов, имеющих в своем составе воршудно-родовые имена. Следующие разделы главы посвящены выявлению территории размещения родовых центров (около 47) и наиболее заметных путей миграции отдельных родов на современной территории проживания удмуртов, уточнению закономерностей включения воршудно-родовых имен в структуру микроэтнонимов, а также вопросу о существовании отворшудных ойконимов на территории проживания коми-пермяков и коми-язьвинцев. Из 70 известных воршудно-родовых названий удмуртов 15 — *Апъя, Бодья, Вамъя, Докъя, Зумъя,*

Лекма, Можга, Нөръя, Пельга, Пудга, Пурга, Чабъя, Чанья, Чипъя, Шудья — отражены в ойконимах Коми-Пермяцкого автономного округа (с. 164). В связи с этим автор высказывает интересное предположение о том, что названия части родовых божеств являются общепермяскими и коми, на многие столетия раньше удмуртов принявшие христианство, окончательно забыли свои воршудные наименования, сохранив их лишь в топонимии (с. 165).

Четвертая глава — «Размещение воршудно-родовых групп» (с. 167—191) — и приложение в виде карт-схем (всего 43 карты), взаимно дополняя друг друга, дают хорошее представление о расселении тех или иных родов на территории проживания удмуртов. Сведения, включенные в эти части монографии, представляют огромный интерес для всех, кто занимается историей, этнографией, языком и фольклором удмуртского народа.

Работу завершают 1) заключение, подводящее итог исследованию, 2) библиография, включающая 176 названий цитируемой в работе литературы по языкознанию, этнографии, истории, археологии и т. д., 3) список условных сокращений и 4) указатель микроэтнонимов.

Из отдельных недостатков последних разделов хотелось бы отметить следующие: 1) в библиографию не попали некоторые работы, использованные автором, в частности, Тараканов 1958 : 19 (с. 50); 2) в списке сокращений отражены не все использованные в тексте сокращения, например, МЭЭ-45 (с. 32), АТД-72 (с. 107).

Работа написана лаконичным, логичным, стилистически правильным языком. Отдельные погрешности стилистического характера не имеют принципиального значения. С удовлетворением хочется отметить почти полное отсутствие опечаток.

В целом рецензируемая работа, выполненная под руководством академика АН Эстонской ССР, доктора филологических наук, профессора П. Аристэ на высоком научно-теоретическом и методологическом уровне, является ценным вкладом в удмуртское и финно-угорское языкознание и этнографию и свидетельствует об отличной научной подготовке ее автора.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)